

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.М. ПЕРЕВЛЕССКОГО: СИСТЕМА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Николай Викторович Корнилов¹

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых¹
Владимир, Россия*

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью,
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, тел.: +7(4922)479-987,
e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru

Аннотация. Автор публикации обращается к лингвистическому наследию русского педагога и филолога XIX века П.М. Перевлесского. К сожалению, его грамматические труды до сих пор не переизданы и мало изучены. В статье рассматривается и анализируется вопрос, связанный с системой членов предложения в русском языке, предложенной и описанной П.М. Перевлесским, которого многие исследователи считают представителем логического направления в отечественном языкознании. В основу выделения членов предложения педагог положил логико-семантические понятия о предмете (подлежащее) и его деятельности (сказуемое), а также об их ограничении «показанием качеств предмета» (определение), «обозначением предметов, которые относятся к деятельности и без которых представление о ней было бы не полно» (дополнение) и «показанием обстоятельности деятельности» (обстоятельство). Многие идеи, высказанные П.М. Перевлесским, продолжают оставаться актуальными и для современной синтаксической науки. Новизна публикации состоит в самом предмете анализа, который в выбранном автором аспекте ранее специально не исследовался.

Ключевые слова: Перевлесский, филолог, педагог, синтаксис, члены предложения, подлежащее, сказуемое, связь, определение, приложение, дополнение, обстоятельство, логика, грамматика.

Для цитирования: Корнилов Н.В. Из истории лингвистического наследия П.М. Перевлесского: система членов предложения // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 160–167. DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_160

Введение

Проблема синтаксического членения предложения, имеющая давнюю историю в отечественном языкознании, продолжает активно обсуждаться и в современной науке о языке. Дело в том, что этот вопрос имеет как теоретическое, так и практическое значение. Именно поэтому им интересуются не только исследователи русского языка, но и школьные педагоги. Зачатки учения о членах предложения можно найти ещё в грамматических сочинениях XVIII века (М.В. Ломоносов, Н.Г. Курганов, А.А. Барсов)¹. За несколько столетий накопился

богатый научный материал, содержащийся в трудах таких выдающихся языковедов, как Н.И. Греч (1787–1867), А.Х. Востоков (1781–1864), Ф.И. Буслаев (1818–1897), А.А. Потебня (1835–1891), А.А. Шахматов (1864–1920), А.М. Пешковский (1878–1933) и др. Эти учёные высказали интересные соображения о природе предложения, наметили иерархическую систему его членов, которая продолжает использоваться в современных школьных и вузовских учебниках по грамматике русского языка.

Следует отметить, что кроме классических трудов названных языковедов важную роль в истории отечественной синтаксической науки сыграли рабо-

© Корнилов Н.В., 2022

¹ В.В. Виноградов (1894/1895–1969) в работе «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (1958) справедливо отмечает, что «ломоносовское учение о предложении и его главных членах – подлежащем и сказуемом – носило логический характер и не исчерпало вопросов, относящихся к строю предложения, к различиям типов предложения, к составу предложений и к приёмам выражения синтаксических отношений между словами внутри предложения» [5, с. 34]. В книге Н.Г. Курганова (1725–1790) «Письмовник» (1793) «смутно мелькает ... идея так называемых «второ-

степенных членов предложения» (разумеется, ещё без употребления самого этого термина)» [5, с. 44]. А.А. Барсов (1730–1791), сделав «предложение одним из самых главных объектов синтаксического изучения», в отличие от своего учителя – М.В. Ломоносова (1711–1765) – не ограничился «анализом лишь главных членов» [5, с. 58]. В «Российской грамматике» (1783–1788) А.А. Барсова «можно найти ряд замечаний, которые служат как бы зародышем учения о второстепенных членах предложения» [5, с. 58].

ты полузабытых педагогов и филологов (А.А. Дмитриевского, В.П. Сланского, В.И. Классовского, П.М. Перевлесского), высказавших оригинальные идеи, многие из которых можно встретить и у современных лингвистов. Вот почему важной задачей стала необходимость комплексного анализа их научного и методического наследия, которое представляет собой своеобразное обобщение многолетней практики преподавания русского языка в различных учебных заведениях.

Особого внимания заслуживает педагогическая и научная деятельность *Петра Мироновича Перевлесского* (1815–1866) – автора популярных во второй половине XIX века учебников по русскому и старославянскому языкам. Некоторые историки отечественного языкознания (Н.К. Грунский, В.В. Виноградов, Н.М. Александров) справедливо ставят его имя в один ряд с Н.И. Гречем, А.Х. Востоковым, И.И. Давыдовым (1794–1863)². Стоит отметить, что методическим работам П.М. Перевлесского посвящены некоторые статьи, авторы которых собрали немногочисленные биографические сведения о педагоге (см. [3; 9; 18]). Однако синтаксические идеи этого полузабытого филолога не стали предметом специального исследования.

П.М. Перевлесский является автором таких книг, как «Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение» (1842), «Начертание русского синтаксиса» (1847)³, «Практическая русская грамматика» (1854–1855). В них можно найти как теоретическое осмысление обсуждаемых языковедами первой половины XIX века основных синтаксических вопросов, так и практическое их применение в преподавании.

Современники П.М. Перевлесского дали положительную оценку его работам. Так, автор рецензии на «Начертание русского синтаксиса», опубликованной в журнале «Отечественные записки» (1847), отметил, что этот труд педагога «полнее других, представляет больше системы и уже этим заслуживает ... внимания»⁴ [13, с. 51]. И далее: «Нравится нам и то, что автор (Перевлесский – Н.К.) употребил термины, которые у известных филологов были уже в ходу, но которых наши грамматикологи неизвестно почему побаивались» [13, с. 51]. Автор рецензии подчёркивал, что «введение примеров из народной русской речи очень полезно: через неё всего лучше можно познакомиться с истинными оборотами родного языка, ибо классические писатели больше или меньше платили дань влиянию иностранному» [13, с. 51]. Кроме того, сам П.М. Перевлесский в предисловии к «Начертанию русского синтаксиса» (1848) указывал, что его научное сочинение «было принято благосклонно» [15, с. I].

В.А. Половцов (1803–1866) в статье «Три направления теории родного языка» (1860), напечатанной в журнале «Филологические записки», отмечал, что «Практическая русская грамматика» П.М. Перевлесского «составляет образец особенного

искусства в передаче правил языка при рассмотрении лучших произведений нашей словесности, доступных и детскому возрасту» [17, с. 29].

Автор настоящей статьи, обращаясь к лингвистическому наследию П.М. Перевлесского, поставил перед собой следующую цель: описать и проанализировать иерархическую систему членов предложения, представленную в работах педагога, рассмотреть вопрос, связанный с морфологическими формами выражения членов предложения, а также с соотношением логических и грамматических категорий.

Результаты

П.М. Перевлесский полагал, что «синтаксис (la syntaxe, die Syntax, ή σύνταξις) есть та часть грамматики, которая объясняет образование правильной речи», при которой «грамматические формы слов, показывающие отношение понятий в предложении и отношение мыслей в сочетании предложений, употреблены согласно с законами общей грамматики и с духом родного языка» [15, с. IV]. В отличие от своих предшественников (А.А. Барсова, Н.И. Греча и А.Х. Востокова) педагог выступил противником ограничения синтаксиса словосочинением. Вот почему «вопросы отношения между словами в предложении подчинены у него ... учению о членах предложения» [1, с. 53]. Другими словами, П.М. Перевлесский был одним из первых исследователей, которые при рассмотрении синтаксической системы русского языка в основу клали такие понятия, как предложение и его члены⁵.

Следует отметить, что в предисловии к книге «Начертание русского синтаксиса» (1847) П.М. Перевлесский указал на зарубежных языковедов, работы которых повлияли на формирование его системы взглядов. Он пытался изложить синтаксис простого предложения «в духе новой филологии, которая признаёт в языке живой, стройный организм» [14, с. III]. В данном случае автор имел в виду Карла Фердинанда Беккера (1775–1849). На влияние этого немецкого лингвиста на П.М. Перевлесского указывали исследователи [1, с. 52–53; 5, с. 206]. Педагог признавался, что некоторые грамматические термины позаимствовал у Й. Добровского (1753–1829), Г.П. Павского (1787–1863) и Н.И. Греча, а логические понятия рассматривал, обращаясь к работе профессора философии О.М. Новицкого (1806–1884) «Руководство к логике» (1841) [14, с. VII–VIII]. Кроме того, во введении автор «Начертания русского синтаксиса» (1847) указывает на влияние французских грамматик, в частности «Grammaire des grammaires, ou Analyse raisonnée des meilleurs traités sur la langue française» (1-е изд., Paris, 1811) Шарля Пьера Жиро-Дювивье (1765–1832) [14, с. XV–XVI].

По мнению П.М. Перевлесского, «речь составляется из предложений, а в состав предложения входят слова, значит, синтаксис сперва должен объяснить нам значение и взаимное отношение слов, входящих в предложение, или, другими словами, показать образование предложения, а потом уже объяснить значение и взаимное отношение предложений, составляющих речь» [14, с. XIII]. «Начертание русского синтаксиса» (1847) включает в себя

² И.И. Срезневский (1812–1880) в рецензии на труд «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» указывал на влияние синтаксических идей П.М. Перевлесского на И.И. Давыдова [19, с. 64]. Аналогичного мнения придерживался и В.А. Половцов [17, с. 29].

³ В 1848 году в Москве было опубликовано второе издание этого труда, в которое автор внёс некоторые изменения теоретического характера.

⁴ Цитирование приводится в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

⁵ По мнению В.С. Храковского, П.М. Перевлесский впервые использует словосочетание «члены предложения» как термин. До него использовался термин «части предложения» [20, с. 146].

три части: синтаксис простого предложения (главный объект изучения – простое нераспространённое и распространённое предложение), синтаксис сложного предложения (объекты изучения – сложное предложение и период) и украшенный синтаксис (описание «синтаксических фигур»).

Для понимания синтаксической системы русского языка, описанной в работах П.М. Перевлесского, важное значение имеют следующие положения. Во-первых, предложение – это фундаментальная грамматическая категория, сущность которой во многом определяет языковую природу её составляющих (членов предложения). Во-вторых, система членов предложения иерархична и имеет двухуровневый характер: принято выделять главные и второстепенные члены предложения. В-третьих, грамматические категории тесно связаны с логическими, однако абсолютного тождества между ними нет.

Как известно, отечественные языковеды первой половины XIX века определяли язык как средство выражения чувств и мыслей. Так, Н.И. Греч отмечал, что «говорить значит выражать чувствования и мысли посредством слышимых слов» [7, с. 1]. Иначе говоря, языковые и логические категории отождествлялись. К примеру, слово полностью соответствовало понятию, а предложение – суждению. П.М. Перевлесский, продолжая сложившуюся традицию, в первом (1847) и втором (1848) издании своей книги «Начертание русского синтаксиса» определял предложение как «суждение, выраженное словами»: «Богат Бог милостью»; «Глас народа – глас Божий»; «Доброму везде добро» [14, с. 1; 15, с. 3].

При рассмотрении главных членов предложения (первый уровень системы членов предложения) П.М. Перевлесский руководствуется логико-семантическими понятиями о предмете и его деятельности: «В предложении высказывается мысль, а для всякой мысли необходимы *понятие о предмете и понятие о его деятельности*, соединённые между собой на основании того *отношения*, которое определяется между ними лицом говорящим, поэтому и в предложении должны войти слова, обозначающие как сами эти понятия, так и взаимное их отношение»: «*подлежащее* – понятие о предмете, *сказуемое* – понятие о его деятельности, а *связь* – объяснение отношения между ними» [14, с. XIV]. Другими словами, в предложении, по мнению П.М. Перевлесского, три главных члена – подлежащее, сказуемое и связь [14, с. 7]⁶.

Подлежащее (le sujet, das Subject, subjectum), по мысли П.М. Перевлесского, «есть *предмет* мысли или предмет, о котором мы говорим в предложении»: «Отуманился *Ида*; Омрачился *Илион*» (В.А. Жуковский); «Горит *восток* зарёю новой» (А.С. Пушкин); «*Наружность* обманчива» [14, с. 1; 15, с. 5]. Типичной морфологической формой выражения подлежащего, как считает автор «Начертания русского синтаксиса», является имя существительное в именительном падеже «как название всякого предмета»: «*Мудрость* старости честнее»; «*Нужда* закон перемывает» [14, с. 1; 15, с. 17]. Однако в некоторых случаях подлежащее может быть выражено местоимением: «Тесним *мы* шведов рать за ратью» (А.С. Пушкин); именем прилагательным: «*Доброе* скоро забывается, а *худое* долго помнится»; инфинитивом: «*Следовать* за мыслями великого

человека есть наука самая занимательная» (А.С. Пушкин); числительным: «*Семеро* одного не ждуть»; наречием: «*Там* не будет вечно здесь» (В.А. Жуковский); междометием: «Далече грянуло *ура*» (А.С. Пушкин). Иначе говоря, любая часть речи «как знаменательная, так и служебная, становясь подлежащим, уже употребляется в виде существительного» [14, с. 2] (см. также [15, с. 17–20]).

«Сказуемое (l' attribute, das Prädicat, praedicatum), – отмечает П.М. Перевлесский, – показывает, что мы присваиваем подлежащему или что говорим о подлежащем» [14, с. 3]. Во втором издании работы «Начертание русского синтаксиса» (1848) читаем: «Слово, выражающее понятие о признаке, который относится или приписывается предмету, называется *сказуемым* (l' attribute, das Prädicat, praedicatum), потому что оно сказывает, что мы думаем о предмете» [15, с. 5]. Типичное сказуемое выражено, как правило, глаголом или именем прилагательным, поскольку оно «показывает действие, или состояние, или качество подлежащего»: «Старая пословица не мимо *молвится*»; «Весенний лёд *обманчив*, а новый друг *не надёжен*» [14, с. 3; 15, с. 20–21]. Однако как и в случае с подлежащим, нетипичное сказуемое может быть выражено и другими частями речи: а) именами существительными в именительном падеже: «Глупая речь *не пословица*»; «Всякая неправда – *грех*»; «Молчание – *знак* согласия»; б) местоимениями: «Когда гроза пройдёт, толпою суеверной Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный И, долго слушая, скажите: это *он*» (А.С. Пушкин); «Ермолов! я лечу – веди меня, я *твой*» (Д.В. Давыдов); в) наречиями и междометиями: «У войска всего было *вдоволь*» (А.С. Пушкин); «Бедненькой *ох*, а за бедненьким Бог» [14, с. 3–4; 15, с. 20–21].

П.М. Перевлесский, завершая рассмотрение главных членов предложения, отмечал, что «известное речение становится сказуемым, а другое подлежащим лишь тогда, когда лицом говорящим определено между ними отношение», которое «называется *связью* предложения (la liaison, das Copula, copula)» [14, с. 6]. Связь, по мнению автора «Начертания русского синтаксиса», является третьим главным членом предложения (наряду с подлежащим и сказуемым) [14, с. 7]. При глаголе-сказуемом она выражается его окончанием («Горит *восток*»; «Свищут *пули*»), а при именах существительных – глаголами *быть* и *стать*: «Писатели во всех странах мира *суть* класс самый малочисленный из всего народонаселения» (А.С. Пушкин); «Город *стал* добычею пожара» (Он же) [14, с. 6]. П.М. Перевлесский полагал, что глаголы *быть* и *стать* в роли связи являются служебными частями речи, поскольку не выражают никаких понятий, а показывают «лишь отношение между сказуемым и подлежащим» [14, с. 6–7]. И далее: «Связь при сказуемом-прилагательном и реже при существительном *опускается*, когда она стоит в настоящем времени, и *не опускается*, когда она стоит в будущем и прошедшем, тогда как во франц., нем. и латин. она почти всегда бывает налицо»: «В поклонении гению все народы родня» (В.А. Жуковский) [14, с. 7].

Примечательно, что, признавая глаголы *быть* и *стать* в роли связи служебными частями речи, П.М. Перевлесский всё же называет их главными членами предложения. Понимая это противоречие, автор «Начертания русского синтаксиса» во втором издании своего труда (1848) уже не считает связь

⁶ В этом случае П.М. Перевлесский является последователем Н.И. Греча (см. [7, с. 238, 251]).

главным членом предложения: «Связь служит только к обозначению времён и наклонений, которые в глаголе выражаются его окончаниями; поэтому она равнозначительна окончаниям глагола и, не выражая собою никакого особого понятия, не составляет особого члена в предложении, как подлежащее, сказуемое и т.п.» [15, с. 22–23]. В «Практической русской грамматике» П.М. Перевлесского также говорится только о двух главных членах предложения – подлежащем и сказуемом [16, с. 22].

Справедливости ради стоит отметить, что идея выделения связи как главного члена предложения не принадлежит П.М. Перевлесскому. Ещё А.А. Барсов писал в «Российской грамматике»: «Во всяком сказуемом, по раздроблению понятий в точность, различаются две части, а именно: самое сказуемое, собственно так называемое, и его с подлежащим *связание*, которое обыкновенно называется *связью*, или *связкою*, сказуемого с подлежащим» [2, с. 154]. В «Грамматике российского языка» (1809) М.П. Бутовского (? – 1853) отмечено, что «как полная мысль состоит всегда из трёх понятий, так и полное предложение составляется из трёх слов: *подлежащего*, *сказуемого* и *связи* (курсив мой – Н.К.)» [4, с. 295–297]. Кроме того, для обозначения связи и отношения между подлежащим и сказуемым этот термин использует Н.И. Греч в «Практической русской грамматике» (1827) и А.Х. Востоков в первом издании «Русской грамматике» (1831)⁷ [6, с. 223; 7, с. 236].

В.С. Храковский верно подметил, что «в дальнейшем под связью начинают понимать формальные показатели связи или отношения между подлежащим и сказуемым и ей отказывают в статусе отдельного члена предложения наравне с подлежащим и сказуемым» [20, с. 136]. Очевидно, что связь (связь) – это чисто языковое явление, которое отсутствует в формальной логике, рассматривающей суждения, построенные по формуле: S + P. Выделяя этот главный член предложения, П.М. Перевлесский следует за Н.И. Гречем и отчасти А.Х. Востоковым, отходя от К.-Ф. Беккера, который не считал связь главным членом предложения.

Итак, обозначив три главных члена предложения (подлежащее, сказуемое и связь) в первом издании книги «Начертание русского синтаксиса» (1847), П.М. Перевлесский в последующих работах исключает из их числа связь. В этом случае он руководствуется соображением о соответствии структуры простого нераспространённого предложения логическому суждению, состоящему из субъекта и предиката: «Два понятия нужны для составления суждения; два знаменательных слова (Begriffswörter) нужны для образования предложения» [15, с. 5].

Однако подлежащее и сказуемое, по мысли П.М. Перевлесского, имеют разные синтаксические статусы, отношения между ними иерархичны. Возникает вопрос о доминанте предложения, на который автор «Начертания русского синтаксиса» отвечает, используя логико-семантическую и формально-грамматическую аргументацию. В первом случае доказывалась «второстепенность» подлежащего по отношению к сказуемому: «Из них (главных членов предложения – Н.К.) подлежащее есть член *подчи-*

нённый, а сказуемое – *подчиняющий*, потому что сказуемое составляет собственно содержание предложения и выполняет главную цель и задачу суждения – определять частное через общее. Оттого нередко целое предложение выражается одним сказуемым, а подлежащее в нём пропускается» [15, с. 6]. Напротив, согласование сказуемого с подлежащим в роде, числе и лице доказывает, что последнее является вершиной предложения: «Для спасения *нужно терпение*»; «*Служенье муз не терпит суеты*» (А.С. Пушкин); «За вами давно послали, поезжайте к Пушкину: *он умирает*» (В.А. Жуковский) [14, с. 8–9].

Необходимость второго уровня системы членов предложения П.М. Перевлесский обосновывает логически: «При соединении понятий в мысль они становятся точнее и определённое, когда ограничивается их объём и увеличивается содержание», поэтому «и в предложение должны входить слова, ограничивающие объём подлежащего и сказуемого» [14, с. XIV]. Таковыми являются второстепенные члены предложения («пояснительные слова»), среди которых «одни ограничивают объём понятия *показанием качеств* предмета, другие – *обозначением предметов*, которые относятся к деятельности и без которых представление о ней не было бы полным, а иные – *показанием качественности или обстоятельственности* деятельности» [14, с. XV]. Исходя из этого тезиса, П.М. Перевлесский выделяет три второстепенных члена предложения: именное определение, дополнение и глагольное определение (обстоятельство)⁸.

В работе «Начертание русского синтаксиса» (1847) П.М. Перевлесский отмечает, что «определение (das Attribut, attributum) называется то слово, которое объясняет предмет или действие, первый – показанием его качеств, а второй – изображением его качественности и обстоятельности»: «*Услужливый дурак опаснее врага*» (И.А. Крылов); «*Гость добрый всегда хозяину приятен*»; «*Роскошно и шумно воинственный Дон бежит у Оксфордской станицы*» (Д.П. Ознобишин) [14, с. 32]. Слова *услужливый*, *добрый* в приведённых примерах являются *именными определениями*, а наречия *всегда*, *роскошно* и *шумно* «относятся собственно к глаголу, а иногда к прилагательному, поэтому называются *глагольными* (adverbialia attributa), или *обстоятельствами*»⁹ [14, с. 32]. Другими словами, внутри синтаксической категории определения намечены две разновидности, которые, обозначая «качественность» или «обстоятельность», отличаются тем, что относятся к именам существительным (именные определения) или к именам прилагательным и глаголам (обстоятельства).

Именные определения могут быть выражены следующими частями речи: а) именами прилагательными: «*Ласковое* слово не трудно, да спору»; б) именами существительными в именительном па-

⁸ Во втором издании книги «Начертание русского синтаксиса» (1848) П.М. Перевлесский, по-прежнему разделяя второстепенные члены предложения на определения и дополнения, включил обстоятельства в состав последних [15, с. 10].

⁹ Автор настоящей статьи не намерен подробно останавливаться на характеристике обстоятельств в системе второстепенных членов предложения, представленной в грамматических трудах П.М. Перевлесского (подробно этот вопрос рассмотрен в специальной статье настоящего издания).

⁷ Начиная со второго издания «Русской грамматике» (1833) А.Х. Востоков исключил *связь* из числа главных членов предложения. Н.М. Александров видит в этом прямое влияние грамматики К.-Ф. Беккера [1, с. 52].

деже (приложение): «Под кущей одною два рыбаля жили *пришельцы*» (Н.И. Гнедич); «К счастью, в крепости (Яицкой) находился капитан Крылов, *отец* баснописца, человек решительный и благоразумный» (А.С. Пушкин); в) именами существительными в косвенных падежах с предлогами или без предлогов¹⁰: «Я берег покидал туманный *Альбиона*» (К.Н. Батюшков); «Доброта *без разума* – пустота»; г) притяжательными, неопределёнными, определительными или указательными местоимениями: «*Свой* глаз смотрок»; «*Всякая* прибаaska хороша с прикраской»; д) причастиями: «*Дающая* рука не оскудеет»; «Наука сокращает нам опыты *быстротекущей* жизни» (А.С. Пушкин); е) числительными: «*Десятая* вина виновата» [14, с. 33–34, 37; 15, с. 8].

В работе «Начертание русского синтаксиса» (1848) находим следующее определение: «Определительным (le complement terminative, das Attribut, attributum) называется то слово в предложении, которое поясняет понятие о предмете указанием его примет (видовых или единичных)» [15, с. 8]. П.М. Перевлесский не включает на этот раз обстоятельства в состав определений. Он выделяет два вида определительных слов – явные и скрытые. Первые выражены отдельными словами, которые представляются «говорящему в минуту речи»: «*Лежачий* товар не кормит». Вторые входят «в состав своего определяемого», образуя «с ним одно слово сложное»: *чернозём, водопад* [15, с. 9].

По мысли П.М. Перевлесского, «отношение определения к определяемому точно такое же, как отношение сказуемого к подлежащему, потому что определение со своим определяемым, как и всякое понятие, есть выражение суждения, перешедшего в понятие» [15, с. 81–82]. К примеру, словосочетания «быстро текущая жизнь» и «ласковое слово» образовались из выражений «Жизнь быстро течёт» и «Слово ласково» [15, с. 82]. П.М. Перевлесский полагал, что «определятельное будет член *подчиняющий*, определяемое – *подчинённый*», и для доказательства этого тезиса приводил следующие аргументы: 1) «они оба могут быть выражены одним словом, в котором определяемое входит как *окончание* (суффикс – *Н.К.*), а определяющее – как *содержание понятия*» (праведный человек = праведник); 2) «определяемое весьма часто опускается, потому что его легко угадать по слову определяющему»: «У сильного всегда бессильный виноват» (И.А. Крылов) [15, с. 9].

Дополнение (le complément, das Object, objectum) – «слово, которое поясняет понятие о признаке (напр. о действии или качестве)»: «Бог любит *правду*»; «*Мудрому* совет всякий полезен» [15, с. 9]. П.М. Перевлесский отмечает, что некоторые глаголы-сказуемые «не могут быть без предмета (допол-

нения – *Н.К.*), на который действие их переходит»: «*Бережёного* и Бог бережёт»; «Бог даст *день*, Бог даст и *пищу*» [14, с. 19]. Глаголы, «требующие дополнения», являются *относительными*, а сказуемые, для которых наличие зависимых имён существительных не обязательно, «называются *неотносительными*»: «Беда одна *не приходит*»; «Денги много *могут*, а правда *царствует*» [14, с. 19].

Следует отметить, что идея о валентностных возможностях различных типов русского глагола, высказанная П.М. Перевлесским в 1847 году, во многом опередила своё время. Дело в том, что в начале XX века немецкий лингвист Антон Марти (1847–1914) предложил разграничение автосемантии (семантической самодостаточности языковых компонентов) и синсемантии (семантической недостаточности языковых компонентов), которое «с следующей детализацией и привязкой к частям речи и другим единицам не утратило своего значения до сих пор» [12, с. 406].

Дополнения, по мнению П.М. Перевлесского, могут быть выражены именами существительными в косвенных падежах (с предлогами или без предлогов), неопределёнными формами глагола (инфинитивами) и относятся к глаголам или именам прилагательным: «Просвещение любит *город*, где Шувалов основал *университет* по предначертанию Ломоносова» (А.С. Пушкин); «Никакие побуждения не извиняют *вероломства*» (Н.М. Карамзин); «Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я *к дружбе* неспособен» (М.Ю. Лермонтов); «Долг *платежом* красен»; «Готовясь к битвам, россияне выходили на открытое поле *заниматься* воинскими играми» (Н.М. Карамзин); «Мы, Греки, любим *побеждать* своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями» (Он же) [14, с. 20–31].

В работе «Начертание русского синтаксиса» (1848) П.М. Перевлесский отмечает, что «дополнительные слова разделяются на два рода: на дополнительные собственно и обстоятельства» [15, с. 10]. По его мнению, первый тип отличается от второго тем, что дополнение – слово, «без которого нельзя себе представить понятие о признаке», поэтому «необходимость его лежит в природе слова дополняемого и не зависит от лица говорящего»; «обстоятельством же (le compl. circonstanciel, das Adverbiale) называется то слово, без которого понятие о признаке может быть представлено, и, следовательно, оно может быть с ним и без него». Ср.: «Милостивый человек *подобен милостивому Богу*» и «Безгрешна человека *на свете* нет» [15, с. 10].

Дополнения, как и определения, могут быть явными (*велик духом, во зло употребляет*) и скрытыми (*злоупотребляет, великодушный*) [15, с. 10–11]. По мысли П.М. Перевлесского, «дополнение есть член *подчиняющий*, а дополняемое – *подчинённый*, потому что дополнение, как и определение, составляет содержание понятия». Вот почему «оба эти члена могут сливаться в одно слово, в котором *дополняемое* является как *окончание*, а дополняющее – как *содержание понятия*»: «Он проводит борозды» = «борозд-ит»; «Разбойник производит грабёж» = «граб-ит» [15, с. 11]. Кроме того, «дополняемое нередко опускается, и остаётся одно дополнение»: «По людям (воздаётся) *честь*» [15, с. 11].

Историки отечественной синтаксической науки обычно относят П.М. Перевлесского к представителям так называемого логического направления в

¹⁰ П.М. Перевлесский выделяет именные определения, выраженные именами существительными в родительном падеже и обозначающие принадлежность, качество и количество: «Собором положили В последний раз отвезать силу просьбы Над скорбною *правителя* душой» (А.С. Пушкина); «Высокий, почти необыкновенный рост, ... большие, *необыкновенного* огня глаза, отличали его сильно и резко» (Н.В. Гоголь); «Сын и двое *внучат*, подхватя на руки старика, пустились почти бегом по улице» (М.Н. Загоскин) [14, с. 37–39]. Эти примеры показывают, что автор «Начертания русского синтаксиса» не признавал приименных дополнений, которые выделяли в своих грамматиках Н.И. Греч и А.Х. Востоков (см. [6, с. 245–256; 7, с. 245]).

языкознанию на том основании, что он отмечал соответствие между логическими и грамматическими категориями. Педагог считал предложение суждением, выраженным словами, и в основу выделения главных и второстепенных членов предложения, как уже было отмечено, положил логико-семантические понятия о предмете и его деятельности, а также об их ограничении. Тем не менее П.М. Перевлеский понимал и принципиальную разницу между логическим и грамматическим членением предложения. Он полагал, что «грамматическим подлежащим называется только *одно понятие* о предмете суждения, но *логическим* называется понятие о предмете суждения со всеми другими понятиями, относящимися к его объяснению, поэтому грамматическое подлежащее выражается *одним* словом, а логическое может выражаться *несколькими*, хотя и не всегда» [15, с. 13]. Аналогичным образом автор «Начертания русского синтаксиса» проводит различие между логическим и грамматическим сказуемым. В предложении «Русский царь созвал дружины Для великой годовщины На полях Бородина» (В.А. Жуковский), по его мнению, грамматическим подлежащим будет слово «царь», а

логическим – словосочетание «русский царь»; грамматическим сказуемым является слово «созвал», а логическим – «созвал дружины Для великой годовщины На полях Бородина». Кроме того, грамматических членов предложения, по мнению П.М. Перевлеского, больше, чем логических категорий [15, с. 13].

Выводы

Вопрос о системе членов предложения можно считать «вечным», поскольку на протяжении нескольких десятилетий русские языковеды пытались его разрешить, высказывая разные точки зрения. В этом смысле нелишним было бы обращение к лингвистическому наследию педагогов XIX века, которые зачастую высказывали идеи, актуальные и для современной синтаксической науки. П.М. Перевлеский, стремясь построить систему членов предложения на логической основе, всё же осознавал и ту принципиальную разницу, которая существует между логическими и грамматическими категориями.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Александров Н.М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена, т. 236. Л., 1963. С. 3–391.
2. Барсов А.А. Российская грамматика. М. : Издательство Московского университета, 1981. 776 с.
3. Бондаренко М.А. Пётр Миронович Перевлеский – учёный и педагог (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2015. № 4. С. 31–37.
4. Бутовский М.П. Грамматика российского языка, в пользу польского юношества в Волынской гимназии изданная Михаилом Бутовским. W Pozzaïowie: W drukarni XX. Bazylianow, 1809. [17], 342, [9] с.
5. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемкина и Фортунатова). М. : Издательство Московского университета, 1958. 400 с.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. 1-е изд. СПб. : В типографии И. Глазунова, 1831. XXIV, 408 с.
7. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб. : В Типографии Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. VIII, 579 с.
8. Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Т. I. СПб. : Сенатская типография, 1910. 169 с.
9. Корнилов Н.В. Из истории обучения орфографии в школе: приём «какографии» в методическом наследии П.М. Перевлеского // Русский язык в школе. 2020. № 1. С. 45–52.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии (1739–1758). М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1952. 993, [3] с.
11. Модрю Ж.-Б. Основательное сокращение российской грамматики. М. : Университетская типография, 1808. VIII, 118, [1] с.
12. Мурзин Л.Н. Психологическое направление (лингвистический психологизм) в языкознании // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 405–406.
13. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. Москва. В Университетской типографии. 1847. В 8-ю д. л. X и 192 стр. (рец.) // Отечественные записки. 1847. Том LIII. июль. Отделение VI. С. 49–52.
14. Перевлеский П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. М. : Университетская типография, 1847. XX, [2], 193 с.
15. Перевлеский П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. 2-е изд., исправленное и дополненное. М. : Университетская типография, 1848. [2], II, IV–V, 207 с.
16. Перевлеский П.М. Практическая русская грамматика. Ч. I: Начала грамматики. СПб. : В типографии Эдуарда Веймара, 1854. 263 с.
17. Половцов В.А. Три направления теории родного языка // Филологические записки. 1860. Вып. 1. С. 19–34.
18. Приемышева М.Н. Методическое наследие П.М. Перевлеского (1815–1866) // Русский язык в школе. 2006. № 4. С. 44–50.
19. Срезневский И. И. (рец.) Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Орд. ак. И.И. Давыдова // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Часть LXIX, март. Отделение III. С. 59–65.
20. Храковский В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л. : Наука, 1985. С. 124–180.

References

1. Aleksandrov, N.M. (1963) Problema vtorostepennykh chlenov predlozheniya v russkom yazyke [The problem of secondary members of the sentence in the Russian language]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertse-na*. (236), 3–391. (in Russian).
2. Barsov, A.A. (1981) *Rossiiskaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 776 p. (in Russian).
3. Bondarenko, M.A. (2015) Petr Mironovich Perevlesskii – uchenyi i pedagog (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Peter Mironovich Perevlessky – scientist and teacher (To the 200th anniversary of his birth)]. *Russkii yazyk v shkole*. (4), 31–37. (in Russian).
4. Butovskii, M.P. (1809) *Grammatika rossiiskogo yazyka, v pol'zu pol'skogo yunoshstva v Volynskoi gimnazii izdannaya Mikhailom Butovskim* [Grammar of the Russian language, in favor of Polish youth in the Volyn gymnasium published by Mikhail Butovsky]. W Poczaiowie: W drukarni XX. Bazylianow. [17], 342, [9] c. (in Russian).
5. Vinogradov, V.V. (1958) *Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova)* [From the history of the study of Russian syntax (from Lomonosov to Potebnya and Fortunatov)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 400 p. (in Russian).
6. Vostokov, A.Kh. (1831) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaya* [Alexander Vostokov's Russian grammar, according to the outline of his own abbreviated grammar, more fully stated]. St. Petersburg, V tipografii I. Glazunova. XXIV, 408 p. (in Russian).
7. Grech, N.I. (1827) *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolayem Grechem* [Practical Russian Grammar, published by Nikolai Grech]. St. Petersburg, V Tipografii Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo vospitatel'nogo doma. VIII, 579 p. (in Russian).
8. Grunskii, N.K. (1910) *Ocherki po istorii razrabotki sintaksisa slavyanskikh yazykov*. T. I [Essays on the history of the development of the syntax of Slavic languages. Vol. 1]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya. 169 p. (in Russian).
9. Kornilov, N.V. (2020) Iz istorii obucheniya orfografii v shkole: priem «kakografii» v metodicheskom nasledii P.M. Perevlesskogo [From the history of teaching spelling at school: the reception of "kakografiya" in the methodological heritage of P.M. Perevlessky]. *Russkii yazyk v shkole*. (1), 45–52. (in Russian).
10. Lomonosov, M.V. (1952) *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 7: *Trudy po filologii (1739–1758)* [Complete works. Vol. 7: Works on Philology (1739–1758)]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 993, [3] p. (in Russian).
11. Modryu, Zh.-B. (1808) *Osnovatel'noe sokrashchenie rossiiskoi grammatiki* [Thorough reduction of Russian grammar]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. VIII, 118, [1] p. (in Russian).
12. Murzin, L.N. (1998) Psychological direction (linguistic psychologism) in linguistics. In: *Big encyclopedic dictionary. Linguistics*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya publ., pp. 405–406. (in Russian).
13. The outline of Russian syntax, published by Peter Perevlessky. Moscow. In the University Printing House. 1847. In the 8th D. L. X and 192 p. (rec.). In: Moscow, V Universitetskoy tipografii. V 8-yu d. l. X i 192 str. (rets.). *Otechestvennyye zapiski*. 1847, vol. LIII. iyul'. Otdeleniye VI, 49–52. (in Russian).
14. Perevlesskii, P.M. (1847) *Nachertaniye russkogo sintaksisa, izdannoye Petrom Perevlesskim* [The outline of Russian syntax, published by Peter Perevlessky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. XX, [2], 193 p. (in Russian).
15. Perevlesskii, P.M. (1848) *Nachertaniye russkogo sintaksisa, izdannoye Petrom Perevlesskim*. 2-ye izd., popravlennoye i dopolnennoye [The outline of the Russian syntax, published by Peter Perevlessky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. [2], II, IV–V. 207 p. (in Russian).
16. Perevlesskiy, P.M. (1854) *Prakticheskaya russkaya grammatika. CH. I: Nachala grammatiki* [Practical Russian grammar. Part I: The Beginnings of grammar]. St. Petersburg, V tipografii Eduarda Veimara. 263 p. (in Russian).
17. Polovtsov, V.A. (1860) *Tri napravleniya teorii rodnogo yazyka. Filologicheskiye zapiski* [Three directions of the theory of the native language], vol. 1, 19–34. (in Russian).
18. Priemyshva, M.N. (2006) Metodicheskoe nasledie P.M. Perevlesskogo (1815–1866) [Methodological heritage of P.M. Perevlessky (1815–1866)]. *Russkii yazyk v shkole*. (4), 44–50. (in Russian)
19. Sreznevskii, I.I. (rets.) (1851) *Opyt obshchesravnitel'noi grammatiki russkogo yazyka*. Ord. ak. I. I. Davydova [Experience of the general comparative grammar of the Russian language. Ord. ak. I.I. Davydova]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, vol. LXIX, mart. Otdeleniye III, pp. 59–65. (in Russian)
20. Khrakovskii, V.S. (1985) The concept of sentence members in Russian linguistics of the XIX century. In: *Grammatical concepts in linguistics of the XIX century*. Leningrad, Nauka publ, pp. 124–180. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.08.2022

Подписана в печать 27.09.2022

Original article
UDC 81-112
DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_160

FROM THE HISTORY OF THE LINGUISTIC HERITAGE OF P. M. PEREVLESSKY:
THE SYSTEM OF SENTENCE MEMBERS

Nikolai V. Kornilov¹

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs¹
Vladimir, Russia

¹*Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations,
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, tel.: +7(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru*

Abstract. The author of the publication refers to the linguistic heritage of the Russian teacher and philologist of the XIX century P. M. Perevlessky. Unfortunately, his grammatical works have not yet been republished and little studied. The article examines and analyzes the issue related to the system of sentence terms in the Russian language, proposed and described by P. M. Perevlessky, whom many researchers consider to be a representative of the logical direction in Russian linguistics. The teacher based the selection of the members of the sentence on the logical and semantic concepts of the subject (subject) and its activity (predicate), as well as on their limitation to “the indication of the qualities of the subject” (attribute), “the designation of objects that relate to the activity and without which the idea of it would not be complete” (object) and “evidence of the circumstantiality of activity” (adverbial modifier). Many of the ideas expressed by P. M. Perevlessky continue to be relevant for modern syntactic science. The novelty of the publication lies in the very subject of analysis, which in the aspect chosen by the author has not been specifically studied before.

Key words: Perevlessky, philologist, teacher, syntax, sentence parts, subject, predicate, connection, attribute, apposition, object, adverbial modifier, logic, grammar.

Cite as: Kornilov, N.V. (2022) From the history of the linguistic heritage of P. M. Perevlessky: the system of sentence members. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 160–167. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_160

Received 08.08.2022
Accepted 27.09.2022